

Продолжение разговора о героическом тайшетском небе

Краеведческие изыскания приводят к разным результатам: находишь принципиально новые материалы по истории Тайшетского района или наталкиваешься на какие-то факты, ранее известные, но уже забытые. Или же, складывая «краеведческий пазл», получаешь какую-то совершенно новую картинку, иллюстрирующую прошлое, и обнаруживаешь какую-то, пусть не закономерность, но особенность. Особенности сами по себе интересны, потому что единичны, много их не бывает.

В 2014 г. с Рубцовым П., Фокиным С. (старшеклассники-краеведы СОШ № 85, ныне студенты) историю тайшетского авиатранспортной подотрасли,¹ и вдруг заметили, что с авиацией была связано жизнь многих тайшетцев. В Тайшете довоенным существовал аэродром для У-2; в 1935 г. тайшетцы и шиткинцы активно собирали рубли и копейки на постройку новых самолетов гигантов, взамен разбившегося многомоторного «Максима Горького»; немало тайшетских выпускников школ учились в авиационной школе техников в Иркутске, в небе над тайшетской землёй терпели катастрофу или совершали вынужденные посадки самолеты Иркутского авиазавода и АЛСИБа во время перелетов на запад; выпускники железнодорожной средней школы №1 г.Тайшета Лев Бадин, Николай Курбатов, Виктор Глазков летали на трассе Аляска-Сибирь; Глазков В.Д. был экипаже самолета доставившего министра иностранных дел Громыко А.А. в Вашингтон для работы по созданию ООН; где-то почти рядом с ними, но на суше, в 1943-1945 гг. Симоненко И.Ф. водил караваны барж Анадырского аэропорта с топливом для аэродромов на трассе Уэлькаль-Красноярск; в годы Великой Отечественной войны героически сражались летчики Пахотищев Н.Д., Брюханов С.С. Именами героев-летчиков названы в Тайшете микрорайон, улицы, в том числе и в память о Расковой М, Осипенко П. Почти тысяча (точнее говоря, 974 человека в 1941 г.) работников Бирюсинского лесозавода изготавливали разные авиазаготовки для авиазаводов в Иркутска, Новосибирска, спецкупорку для авиабомб завода в Сызрани... И после войны, до самых последних лет существования малой авиации в Тайшете и Нижнеудинске шли в лётные училища тайшетские парни. Бороздили в 50-80 гг XX в. тайшетское небо «аннушки», «кукурузники», а по американски «жеребят», по семи авиамаршрутам на радость жителям отдалённых северных и южных деревень и поселков района.

И вот, обнаружился очередная факт, иллюстрирующий необычность тайшетского неба и нашу короткую память, парадоксальность развития краеведения (рукоплещем новому и не храним старое доброе). Все произошло случайно. Хотя несколько случайностей это уже закономерность. В данном случае закономерный результат краеведческих поисков. Так вот, буквально вчера (30 ноября) с учениками-краеведами перелистывали номера районной газеты «Сталинский путь» за 1955 г. и наткнулись на статью Чуркина Л. «Тайшет сегодня» в которой автор пишет: «Город дал стране таких известных людей, как Водопьянов, Антонов, Кублицкий...».² Не знаменитый ли это полярный летчик Водопьянов? Остальное было, как говорится, дело техники... Интернет подтвердил – да, тот самый! Вот на радостях-то и делимся с читателями «Тайшет 24 новости» быстро собранной информацией об этом замечательном человеке. Читайте и удивляйтесь с нами.

¹ Рубцов П., Фокин В. Из истории гражданской авиации Тайшетского района //Брошюра №9 серии «Тайшет-город, рожденный Транссибом», Тайшет, 2014, С.34.

² Чуркин Л. Тайшет сегодня// Сталинский путь, 1955 г., № 13.

Фотографии легко найти в Интернете, впишите только имя этого лётчика, Героя Советского Союза, писателя.

«Советский летчик, шестой Герой Советского Союза, участник спасения экипажа парохода "Челюскин", участник арктических и высокоширотных экспедиций, генерал-майор авиации, член Союза писателей СССР, член ЦИК СССР.

Михаил Васильевич Водопьянов родился в селе Большие Студенки (сейчас часть города Липецка), в семье крестьянина.

В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. Служил обозным в Дивизионе воздушных кораблей. Участвовал в гражданской войне на фронтах. Воевал против Колчака и Врангеля.

С 1920 года - помощник шофера.

С 1921 года - шофер.

С 1925 года - авиационный моторист, затем бортмеханик.

В 1928 году окончил летную школу "Добролета".

В 1929 году - окончил Московскую летно-техническую школу.

В качестве бортмеханика, а затем и летчика участвовал в экспедициях по борьбе с саранчой на Северном Кавказе и в Казахстане.

В 1929 году первым открыл воздушную линию на остров Сахалин.

С 1931 года работал на Центральном аэродроме в летном отряде газеты "Правда", доставлявшем газетные матрицы в крупнейшие города СССР. Потом летал на гражданских самолетах по дальним воздушным трассам Москва - Ленинград, Москва - Иркутск, на остров Сахалин.

Участник советско-финляндской войны 1939-40 в должности командира тяжелого бомбардировщика ТБ-3. Совершил несколько боевых вылетов, был награжден орденом Красного Знамени.

Участник Великой Отечественной войны: с июля 1941 года -

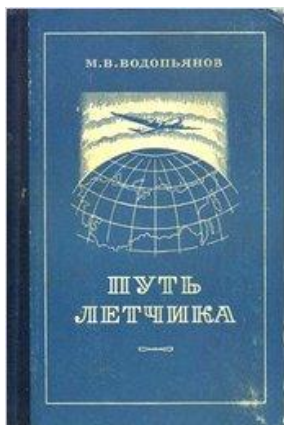
командир 81-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии. В ночь с 10 на 11 августа 1941-го лично участвовал во втором налете на Берлин (в одном экипаже с Э.Пусэпом).

Его самолет Пе-8 был подбит и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Через линию фронта вернулся к своим. За большие потери был смещен с должности командира дивизии, но продолжал совершать боевые вылеты как рядовой летчик.

С 1946 года генерал-майор авиации М.В.Водопьянов - в отставке.

Уйдя на заслуженный отдых, активно занялся литературным трудом. Им написаны книги: "Полеты", "Мечта пилота", "От сохи до самолета", "Путь пилота", "Валерий Чкалов", "Повесть о первых героях", "На крыльях в Арктику", "Полярный пилот", "Небо начинается с земли", "Крылатые витязи", "В ледовом плену", "Вынужденная посадка", а две его драмы поставлены на сценах театров».

Из книги Михаила Водопьянова «Путь лётчика», -М._Изд.Географизгиз, 1953.

Глава первая

В детстве

Родился я в 1899 году в селе Студенки Липецкого уезда б. Воронежской губ. в бедной крестьянской семье. Почти все жители села, в том числе и мои родители, были неграмотными.

Несмотря на близость села к Липецку, никто из крестьян не ходил ни в городской театр, ни в парк, где летом по вечерам играл оркестр. Все это предназначалось для развлечения «господ», которые съезжались со всей России лечиться на знаменитых липецких грязях.

1907-й год. Село Студенки.

Катаясь на лодках по тихой, прозрачной реке Воронеж, «господа» любовались городом, живописно раскинувшимся по холмам и берегу огромного Петровского пруда.

На самом высоком месте города стоял собор, куда мы с бабушкой часто ходили молиться и слушать церковный хор. От Соборной площади, Дворянской улицы и Верхнего парка дорога спускалась в Нижний парк. Посреди дороги до сих пор красуется трехгранный шпиль, воздвигнутый в память приезда в наш город Петра I, а в Нижнем парке сохранилась кузница, где Петр показал местным жителям свое искусство кузнеца – он отковал здесь подкову.

Внизу, где круглый год били ключи, была выстроена часовня. Через нее проходила родниковая вода. Каждый приезжий или прохожий мог зайти и напиться, конечно за плату, «святой» воды.

Зимой город замирал. Лишь купеческие кутежи да крестные ходы разнообразили жизнь горожан.

... Мне не было и восьми лет, когда отец поссорился с дедом и решил уехать из родных мест. Наша семья проделала тогда большое путешествие.

Мы приехали в Сибирь и поселились в Тайшете. Отец получил работу грузчика на железнодорожной станции. Сначала все сложилось как будто неплохо – сняли на окраине маленькую деревянную баню и расположились в ней почти так же удобно, как в избе.

Но вскоре совершенно неожиданно был арестован отец. Мать осталась на чужбине со мной и сестренкой Таней, которой не исполнилось еще и года.

Мы ничего не знали о судьбе отца. Мать ходила на поденную работу, выносила на станцию к приходу поездов пирожки своего изготовления, при виде которых у меня только слюнки текли. Жизнь наша, и прежде небогатая, теперь стала просто тяжелой.

Через год из иркутской тюрьмы пришло письмо от отца. Как ни странно, оно было написано им самим, хотя отец был неграмотным...

Разгадка содержалась в письме. Отец писал, что сидит вместе с «политическими», которые выучили его грамоте, и просил мать приехать к нему на свидание.

Мать сразу же собралась и уехала с сестренкой в Иркутск. На другой день после ее отъезда пришел к нам сосед, дедушка Медведев, а с ним – не знакомый мне человек.

– Мать дома? - спрашивает меня Медведев.

– Нет, к отцу уехала.

– Мы пришли нанимать тебя вот к этому дяде гонщиком лошадей.

– Сколько тебе лет? - спрашивает незнакомец.

– Девять.

– Лошадью править умеешь?

– Умею, я еще в деревне правил.

– Хочешь поехать ко мне? Песок возить будешь. Тебе насыплют, а ты отвезешь, куда укажут, свалить помогут свальщики. Вот и вся твоя работа. Пять рублей жалованья положу на готовых харчах.

«Пять рублей, да еще и харчи!..» - обрадовался я и сразу же согласился. Попросил дедушку Медведева сказать матери, куда я уехал, и отправился со своим хозяином на песчаный карьер.

Работа в самом деле оказалась не тяжелой, но вставать приходилось в четыре часа утра. А по праздникам я должен был нянчить хозяйского сына.

Работал я хорошо, только очень тосковал без матери. Беспокоился, вернулась ли она из Иркутска.

И вот подъезжаю я раз к забою, а там стоит моя мать и в руках держит сапоги. От радости у меня слезы закапали.

– Не плачь, сынок, – сказала мать, – смотри, какие я тебе сапоги привезла – новые, четыре рубля отдала!

Какая это была радость! Но недолгим было наше свидание, и я вновь остался с чужими людьми.

Осенью хозяин рассчитал меня, но не доплатил рубль, а кроме того, вычел четыре рубля с полтиной за одежду – рваную телогрейку и другое тряпье. На руки пришлось лишь семь рублей. Один из рабочих попробовал вступить за меня, но хозяин не прибавил ни копейки.

Завернул я деньги в портянку, чтобы не украли в дороге, и поехал в Тайшет. Помню, как я приехал на станцию и помчался домой. Перед самым домом разулся и вынул из портянки деньги.

Мать жарила пирожки, когда я ворвался в баню. Не здороваясь, я торжественно передал ей деньги и с гордостью заявил:

– Я бы еще больше привез, если бы хозяин не обсчитал!

Мать была очень довольна моим приездом. Трудно ей приходилось одной: и пирожки надо было продавать, и за сестренкой смотреть.

Вскоре меня отдали в школу, но проучиться пришлось недолго: ударили сибирские морозы, а у меня не было теплой одежды.

Настала весна. Много раз я наблюдал, как по тракту шли люди, осужденные на каторгу. Измученные, закованные в кандалы, они часто падали, а конвоиры били их, заставляя идти вперед.

Однажды поднялся переполох. Гнали большую партию политических и уголовников. Каким-то образом группе арестантов удалось разоружить конвоиров и убежать в тайгу...

Летом мать снова уехала к отцу, и началась моя вольная жизнь. Гулял я с товарищами до позднего вечера. Ходили на рыбную ловлю, в лес, играли в бабки. Дело было летом, а дня нехватало...

И в это время случилась встреча, запомнившаяся мне на всю жизнь.

В таежных чащах, со всех сторон окружавших Тайшет, уже появились грибы. Не сошли еще и ягоды. Бродить по глухим местам было для нас большим удовольствием. Кроме того, за ведро ягод можно было получить деньги.

Идем как-то с ребятами по тропинке и вдруг слышим чей-то стон. Двое из нас испугались и помчались домой. Преодолевая страх, я предложил двоим оставшимся:

– Давайте посмотрим, кто там стонет.

Долго мы стояли, не решаясь двинуться с места. Опять послышался стон. Набравшись храбрости, мы пролезли сквозь густой кустарник.

На земле в неловкой позе лежал человек в кандалах. Мошकारа облепила его лицо.

– Беглый, - тихо сказал Витя Сомов.

Каторжник посмотрел на нас как бы невидящими глазами. Казалось, ему было все равно, выдадим мы его или нет.

Я подошел ближе и робко спросил:

– Дядя, ты убежал?

Он не ответил. Потом произнес, едва ворочая языком:

– Пить...

С этой минуты страха у нас уже не оставалось. На смену ему пришло совершенно новое чувство ответственности за жизнь человека. Его судьба была в наших руках. Мы одни могли помочь ему или дать погибнуть, и, разумеется, мы не выбирали.

Самый старший из нас – Андрейка – немедленно послал меня за водой на лесное озеро.

Когда я вернулся с ведерком мутной, зеленоватой воды, беглец был уже переложено на подстилку из ветвей и мха. Тут только я заметил, что у него плечо в крови. Ребята перевязали раненого кусками его же собственной рубахи. Андрейка хотел было отобрать у меня ведро и дать человеку напиться, но я не мог этого допустить: раз я ходил на озеро, да еще по дороге упал, разлил воду и возвращался обратно, то уж имел право напоить раненого сам.

С той минуты как я поднес к его губам воду, мы не расставались несколько дней.

Мне до сих пор обидно, что я был тогда слишком мал: многого не понял, многое забыл. Помню, что сделал из веток шалаш, разводил костер, собирал ягоды, грибы и даже сварил как-то раненому грибную похлебку, которую и сам еле смог попробовать.

Мы довольно много разговаривали. Раненый расспрашивал меня о жизни, о семье, а я однажды, расхрабравшись, задал ему прямой вопрос:

– А за что вас, дядя Петя, арестовали? Убили кого или украли?

Он только улыбнулся и сказал мне, что никогда не крал и никого не убивал, а его, как и многих других людей, заковали в кандалы за то, что они хотят переменить порядки: отнять у богачей землю и заводы и сделать жизнь хорошей для всех простых людей.

Я слушал его, затаив дыхание. Еще никто никогда не разговаривал со мной так серьезно и тепло...

Раненый быстро поправлялся. Тяжелое состояние, в котором мы его нашли, объяснялось не столько ранением, сколько голодом и жаждой. Андрейка и Витя приносили из города продовольствие. Одно только беспокоило нас: нужно было избавить каторжника от кандалов и достать для него приличную одежду.

Путем невероятной изворотливости удалось раздобыть в городе напильник. Потом достали сапоги, фуражку, куртку и штаны. Принесли ножницы, и беглый аккуратно подстриг себе бороду. Освобожденный от кандалов, одетый, он оказался красивым, статным мужчиной лет сорока.

– Совсем на каторжника и не похож!-восхищенно заметил Андрейка.

– Мне бы только до Красноярска добраться, - говорил раненый.-Там у меня друзья. Они и паспорт добудут и укроют на время...

Наступил час прощания. Мы стояли у потухшего костра, среди густых сосен и кедров. Так не хотелось расставаться с днями, полными тревог и волнений. Игра в бабки и прогулки в лес уже не привлекали.

– Дорогие ребята, - сказал на прощанье наш друг, – я вас никогда не забуду. Но мне хотелось бы, чтобы и вы помнили меня. Настанет день, когда люди, на которых теперь надевают кандалы, победят. Тогда вы станете постарше и, может быть, даже будете гордиться тем, что помогли мне. Спасибо вам, мои дорогие товарищи.

* * *

Прошло много лет. Время стерло из памяти чудесные беседы у костра, но я будто и сейчас вижу перед собой шалаш, внимательные лица моих маленьких друзей, слушающих дядю Петю... В его словах было что-то такое, отчего необычайно взволновались наши ребячьи души. Мы впервые узнали о том, что в нашей стране есть люди, которые, не жалея своей жизни, борются против угнетения народа. Октябрьская социалистическая революция смела всю нечисть купеческо-дворянского Липецка. Вернувшись в родные места, я впервые услышал слово «большевик». Конечно, тогда я еще недостаточно понимал великое значение этого слова. Солдаты, мои односельчане, прибывшие с фронта, называли богатых горожан из Липецка буржуями, чиновников и дворян – кадетами; себя же они считали большевиками...

На огромном поле близ Липецка обосновалась авиационная часть – дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец». Потянуло меня на аэродром. Каждый день я дежурил у его ворот, наблюдая за редкими полетами аэропланов. Мне захотелось поступить в эту часть. Пошел в липецкий военный комиссариат. Там мне сказали:

– Если хочешь служить в Красной Армии, дай подписку, что прослужишь не менее шести месяцев.

Я готов был подписаться хоть на шесть лет.

Двадцать седьмого февраля 1919 года меня приняли добровольцем в Красную Армию.

* * *

Из книги:

Водопьянов Михаил - Небо начинается с земли. Страницы жизни, 1976 г. Изд. Дом «Современник»

Право на крылья.

Суровое детство

Родился я в 1899 в селе Студенки Липецкого уезда, в бедной крестьянской семье.

Село Студенки ничем не знаменито. До революции среди жителей было девяносто процентов неграмотных. Хотя село расположено вблизи Липецка, никто не ходил ни в городской театр, ни в иллюзион. Занимались хлебопашеством и огородничеством, пили, по праздникам наряжались в пестрые, яркие костюмы.

Когда мне исполнилось семь лет, отец мой задумал переселиться в Сибирь, на новые места. Причиной поездки были раздоры его с отцом, который отписал все свое хозяйство дочери-монашенке.

Помню, как дед мой с материнской стороны рассказывал:

– Вот, Миша, слухай – я тебе расскажу, как отец с дедом жили. Когда отдавали мать за твоего отца, поехали мы двор и все хозяйство осматривать, а там и смотреть нечего. Стоит избенка, покрытая соломой, мы туда и зайти боялись... Зимой дело было, были мы в тулупах, боялись воротниками развалить двери. Свадьбу так и гуляли не у вас, а рядом, у Сосаниных... А теперь, гляди, дед-то богат стал и отца обижает, все отписал твоей матери крестной в монастырь, а ей на что?.. В святые попасть пожелала... Отец твой заработает на пропитание, а как же дядя Ваня? Ведь он не намного больше тебя. Вдруг да умрут дед-то с бабкой, куда он пойдет? Слышал я – его тоже хотят в монастырь отдать. Смехатура... – А я, дед, не пойду в монастырь. Я в пастухи пойду, – страсть как люблю щелкать кнутом!

– Ну, это, Миша, видно будет.

Отец за тридцать рублей продал мерина, которого получил в приданое за матерью, и купил два билета до Тайшета Иркутской губернии. Раньше туда уехали наши односельчане. Они писали, что прокладывается новая железная дорога и работы много. Семья наша состояла из четырех человек: отец, мать, я и маленькая сестренка семи месяцев.

Тяжелые вещи сдали в багаж. Получили их через полтора месяца после приезда в Тайшет. Сундук оказался почти пустым – вещи украли.

Поселились мы в бане у одного нашего дальнего родственника – Дубинина, который давно жил в Тайшете и имел свой дом.

Отец начал работать на железной дороге: выгружал из вагонов уголь для паровозов. Работа была сдельная: за двенадцать – тринадцать часов выгонял полтора-два рубля. Зажили ничего, стали покупать к чаю белый хлеб, мясо есть почти каждый день, – не то что в деревне жили. Но не долго наше счастье длилось... Как-то вечером подали к станции два вагона угля. В этот день почти не было подачи, и все рабочие сидели без дела, покуривая за сараем... Вдруг подают два вагона. Начали спорить – кому выгружать? В

конце концов уговорились пойти все. Открывают один вагон – что такое? – кирпичный чай. Открывают другой – чесуча... Вагоны по ошибке подали. «Вот это уголь... давай выгружать чесучу домой!»

Отец запротестовал, но его чуть не стукнули лопатой по голове:

– Привяжи язык! Знаешь, что бывает лягавым?

Из всей этой компании лишь отец был самоход, а все остальные переселенцы, не один раз судились и сидели.

Вернувшись домой, отец спросил у Дубинина, что такое «лягавый».

– Это тот, кто выдает товарищей; они таких не любят и при первой же встрече убьют. Уж такое правило: видел, а говори – не видел.

Утром приходит жандарм и говорит отцу: «Собирайся». Пошли.

Отец был запуган. В участке сказал, что ушел с работы рано и никаких вагонов не видел.

– Не бойся, Водопьянов, – уговаривали его, – мы тебя не выдадим, только укажи виновников.

Отец не указал.

– Тогда мы тебя посадим... На тебя показали, что ты открывал вагон.

До суда волынка тянулась полтора года. Повезли отца в Иркутск, посадили в тюрьму. Там он попал ламповщиком к политическим. Читать он не умел. Его научили грамоте, и он узнал, что его злейшие враги – помещики и капиталисты, но никак не верил в равенство и братство. Ему доказывали, что будет равенство, а он не соглашался: «Как это так – равенство: один работает, другой лентяй, один ученый, другой пахарь, – нет, уравнивать нас нельзя».

Но не долго пришлось ему спорить, перевели его в Нижнеудинск. Пользовался там он доверием, ходил в вольные бани, жил в кирпичном тюремном сарае.

С тех пор как забрали отца, жизнь у нас круто изменилась. Квартиру пришлось сменить: только недавно переехали в хорошую, а теперь опять в баню.

Как-то раз мама с сестренкой уехала к отцу в Нижнеудинск на свидание. На другой день после ее отъезда приходит к нам сосед – дедушка Медведев с каким-то татаринном.

Хороший старик был этот Медведев, мы, ребята, особенно любили его. Всегда брал с собой в лес сено косить, – он косит, мы собираем, а потом еще покатаемся на дедушкиной лошади.

– Мать дома? – спрашивает дедушка Медведев.

– Нет, уехала к папе.

– Мы пришли нанимать тебя гонщиком вот к этому дяде. Поедешь? Здесь недалеко – верст сорок.

– Сколько тебе лет? – спрашивает татарин.

– Девять.

– Лошадью править умеешь?

– Умею, я в деревне еще правил, когда ездил с отцом в поле за снопами.

– Поедешь ко мне, работа не тяжелая, песок тебе будут насыпать, а ты его возить станешь, куда укажут, а сваливать будут свальщики. Вот и вся твоя работа. Пять рублей в месяц жалованья положу на готовых харчах.

Меня так и подмывало поехать: пять рублей, да еще править лошадью! Сразу согласился.

Дедушку Медведева попросил – как только мама приедет, сказать ей, где я, чтобы не беспокоилась.

Работа моя действительно была не тяжелая, только рано вставать не хотелось, а вставали в четыре утра. По праздникам должен был я нянчить маленького татарчонка. Надоело мне нянчить дома, а тут снова пришлось. Однажды сижу я с ним, держу на руках. Захотелось угодить хозяйке – начал я учить малыша креститься, как меня учили. Взял его правую ручонку и вожу – сначала к лобик, потом к животик... Вдруг как закричит хозяйка, как рванет ребенка к себе! И получил я щелчок за свои труды.

В карьере работало пятьсот лошадей. Делали насыпь новой железной дороги.

Рабочие звали меня «донским казаком» за барашковую шапку, которую я носил. Делал я все, что приказывали старшие: за водкой сбегать – пожалуйста, плясать заставят – пляшу. Всегда был веселый. А песок возил хорошо.

Раз еду к забою, смотрю – стоит мать и в руках держит сапоги. От радости у меня слезы закапали.

– Не плачь, сынок, – целуя, говорит мама, – смотри, какие я тебе сапоги привезла – новые, четыре рубля отдала.

Хозяин уж очень хвалил меня. Она осталась довольна.

В конце октября 1910 года я первый раз получил жалованье – всего 7 рублей 50 копеек, а 4 рубля удержали за спецодежду. Один забойщик сказал, что хозяин обсчитал меня на рубль, поругался с хозяином из-за меня, но тот не прибавил ни копейки.

Снял я свои новые сапоги и завернул деньги в портянку, чтобы не украли по дороге. Когда приехал в Тайшет, опять разулся, достал деньги, нес в руках, бегу, подпрыгивая от удовольствия.

Через неделю поехал к отцу. Я не раз уже ездил к нему. Мама торговала на столиках возле станции, проводники ее знали. Она посадит меня в вагон, попросит проводника, чтобы разбудил в Нижнеудинске и помог выбраться из поезда, а там я уже знаю, как пройти на кирпичные сараи.

Мне у отца жилось неплохо, я там был своим человеком. Арестанты любили меня, они-то и научили меня плясать. Правда, не один раз до слез доводили.

Раз сели мы обедать, на второе – каша черная. Я поел и хотел вылезать, а тут один беспальный арестант, большой мой приятель, спрашивает: «Миша, ты куда? Съешь для друга вот эту ложку каши». А ложка деревянная, большая, целая тарелка войдет. Не желая обижать друга, стал есть. Только что съел, а другой друг – музыкант – ко мне: «Миша, съешь и для меня ложечку». – «Не хочу больше». Чувствую, как раздуло живот. «Уважь, Миша, на балалайке играть каждый день буду и тебя выучу». Ну что делать, стал есть другую ложку. Только съел – третий: «Ну, Миша, а теперь за всех нас съешь вот эту ложку и довольно». Я заревел. «Ну ладно, – сжалились надо мной, – съешь в другой раз, только дай слово, что не обманешь». Пришлось дать слово, что в следующий раз съем за всех.

Отец встретил меня приветливо.

– Ну, как, работяга, дела? Был тут у нас хозяин твой – Бахитов.

– Да, папа, Бахитов, а ты откуда знаешь?

– А у него брат тут работает, он к нему на свидание заехал. Ну, слышу, рассказывает, что заработал в это лето хорошо, работали на трех лошадях – три работника и два гонщика. Трудно было с гонщиками, по под конец нашел в Тайшете одного малыша – Водопьянова. «Как зовут его?» – спрашиваю. «Миша». – «Да это ж мой сын!» Тут уж он тебя расхвалил. Полбутылки выпили за это дело.

– А он меня на рубль обсчитал.

– Не знал, а то б и рубль содрал!

Арестанты строили тепляк для сушки кирпича. Леса кругом было много, а в тюрьме можно было найти всяких специалистов. Отца назначили старшим мастером.

Возле бараков стоял маленький домик. Раньше там жил надзиратель, потом он перебрался на лучшую квартиру. Отец пришел к смотрителю тюрьмы просить разрешения жить в этом домике вместе с семьей. Снял шапку, стоит перед ним.

– Ваше благородие, будьте отцом родным... Положение у меня тяжелое – жена ходит последнее время, да еще двое ребят...

Смотритель согласился быть «отцом», хотя он был гораздо моложе моего отца.

– Хорошо. Только старайся.

И поселились мы всей семьей в этом домике.

Наступила весна. Отец решил отправить нас в Тайшет. Ожидая поезда на вокзале, я с любопытством глазел по сторонам. Один из ожидавших поезда спрашивает: «Мальчик, не знаешь, где тут найти гонщика?»

– Я гонщик. Прошлый год работал у татар.

– А пойдешь ко мне гонщиком?

– Пойду, но ты поговори с моей мамой.

Подходит он к матери, беседует, уговаривает отдать меня в гонщики.

– Жена у меня добрая, – говорит человек, – ему неплохо будет. Жить будем вместе – одной семьей. Жалованья – на всем готовом – положу восемь рублей. Вам куда ехать?

– В Тайшет.

– Нам по дороге. Не доезжая Тайшета, мы и сойдем на станции Косыревка. Фамилия моя Белоусов.

– Ну что ж... – говорит мама. – Пусть едет. Только вы его не обижайте.

Работать у этого хозяина было неплохо. Но опять приходилось вставать затемно, а в праздники с утра уезжали косить сено. Сено заготавливали с праздника до праздника. Отоспаться было некогда.

Через три месяца хозяин отправил меня домой.

Приезжаю в Тайшет – темно, боюсь идти по улицам. Все же рискнул.

Подхожу к дому, сердце замирает от радости – приехал и привез массу денег, почти двадцать рублей! Стучу, слышу голос:

– Кто там?

– Я, мама, открой... А папа дома?

– Дома.

– А я денег привез много.

Вхожу, отец встает:

– А, сынок приехал! Ну, старуха, сходи-ка за полбутылкой, с приездом выпить надо.

Отец работал на кирпичном заводе у хозяина, получал «с тысячи», зарабатывал хорошо, но стал частенько выпивать и маму бить.

Осенью я пошел в школу, а отец уехал верст за тридцать в тайгу шпалы тесать.

В начале декабря прихожу из школы домой, смотрю – какой-то старик сидит у нас.

Увидел меня:

– Здравствуй, внучек, вот ты какой большой стал.

Узнал я деда. Говорит – за нами приехал.

– Не можем больше жить без вас. Старуха день и ночь кричит – поезжай, говорит, привези, пропадут они там, опять посадят Васю в тюрьму, такой уж проклятый край – Сибирь эта.

В этот же день поехали за отцом. Отец приехал, сухо поздоровался с дедом:

– Ты зачем приехал?

– Да, Вася, поедем, соскучились мы, мать каждый день голосит.

– Не поеду я. Делать мне там нечего.

– Поедем, Вася, полдома подпишу. Хозяйство без тебя не идет.

– Обманешь, я знаю тебя.

– Вот, гляди, если не веришь.

Дедушка встал на колени перед иконами, начал креститься.

– Вот перед богом говорю, отсохни у меня язык, руки и ноги, если обману. Как приедем, так сразу и подпишу. Если не желаешь жить вместе, поставим тебе дом – у нас сруб есть большой, – живи один с богом. Лошадь дам, у нас их две. Сказал, полхозяйства отдам, значит, отдам, вот тебе крест святой, – и опять крестится на икону, а сам плачет.

И я заплакал; кроме отца, все плакали.

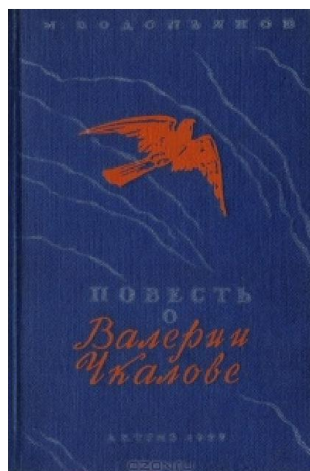
Когда отец согласился, сразу ожили все. Я был особенно рад – опять увижу бабушку, дядю Ваню!..

* * *

Другие книги М.Водопьянова:

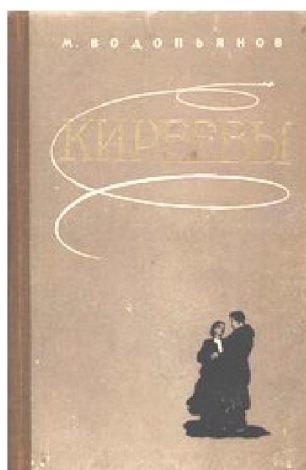
Мечта пилота. – М.: Молодая гвардия, 1936 г.

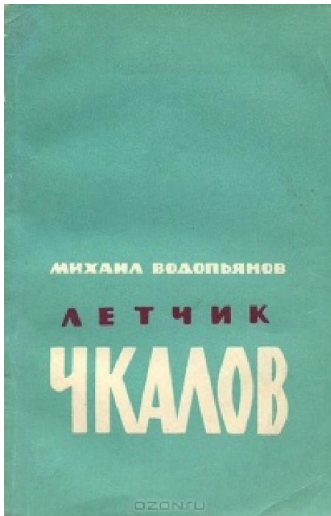
Повесть о Валерии Чкалове. –М.: Детская литература. Издавалась в 1949 г.; в 1959 г.

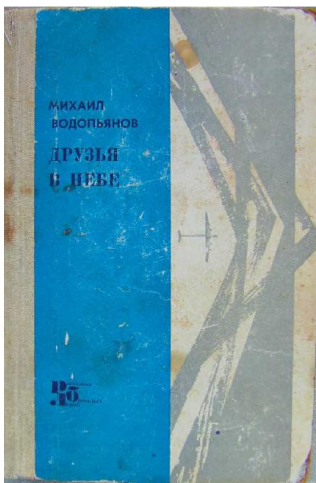
Валерий Чкалов. Серия: Жизнь замечательных людей; -М.: Молодая гвардий, 1954 г.

Киреевы -М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1956 г.

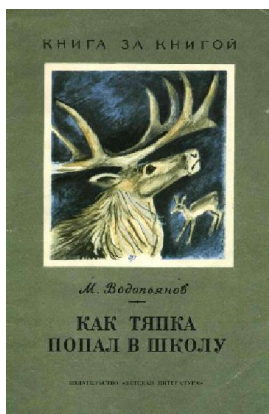
Летчик Чкалов - М.: Издательство: Издательство ДОСААФ СССР, 1963

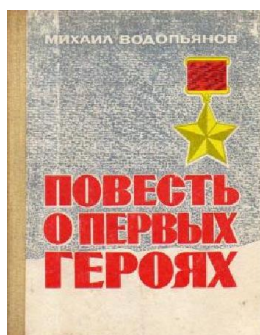
Друзья в небе. – М.: Советская Россия, 1967 г.

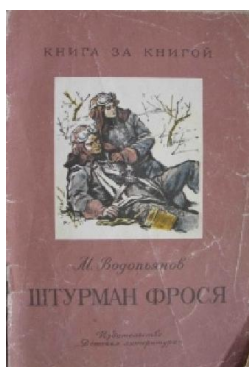
Полярный лётчик. – М.: Детская литература, 1974 г.

Как Тяпка попал в школу – М: Детская литература, 1980 г.

Повесть о первых героях –М:

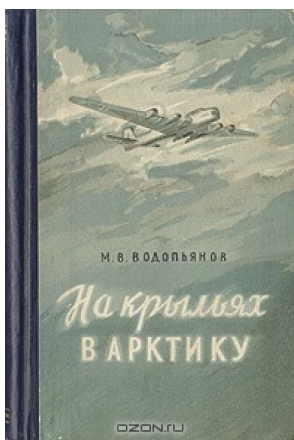
Штурман Фрося - М.: Детская литература, 1973 г.

Первый рейс - Хабаровское книжное издательство, 1980 г.

Полярный летчик – Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1954 г.

На крыльях в Арктику - Москва, 1954 год. Географгиз Государственное издательство географической литературы.

М.Водопьянов, Г.Григорьев. На перекрестке бурь – М.: Московский рабочий , 1971 г.

Гибель «Кречета» - 1969
Издательство: Издательство художественной литературы им. Гафура Гуляма

Мечта пилота 2010,
Издательство: Тардис

В ледовом плену 1966
Издательство: Малыш